
ИМПЕРАТИВ ВОЗВРАТА К НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФУНДАМЕНТ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА

Спиридонова В. И.*

В статье проводится разграничение двух ракурсов глобализации – технологически-экономического и идеологически-политического. Вторая разновидность именуется культурной, или «счастливой глобализацией», и стремится к распространению общеевропейской модели на все человечество. Рост новых мировых центров силы, их желание выстроить собственную идентичность, отличную от европейской, а также внутривосточные проблемы: провал политики мультикультурализма, рост «дистанционного национализма», востребованность внутринациональной солидарности – заставляют мыслителей Запада вновь обратиться к идее национального государства. Признавая неизбежность многополярного мироустройства, автор переносит акцент на реконструкцию национальной идентичности внутри Европы в целях сохранения собственных ценностей.

Ключевые слова: глобализация, общечеловеческие ценности, многополярный мир, мультикультурализм, гражданство, национальная идентичность, национальное государство, солидарность.

In the article the author distinguishes between two perspectives of globalization – technological-economic and ideological-political. The latter type is called a cultural, or “a happy globalization”, and seeks to spread the pan-European model to the whole humanity. The growth of new world “centers of power”, their aspiration to build their own identity different from the European one, as well as the internal European problems – the failure of multiculturalism policy, the growth of “remote (distance) nationalism”, the demand for domestic solidarity force Western thinkers to turn again to the idea of a Nation-State. Recognizing the inevitability of a multipolar world order, the author shifts the emphasis to the reconstruction of national identity within Europe in order to preserve its own values.

Keywords: globalization, universal values, multipolar world, multiculturalism, citizenship, national identity, Nation-State, solidarity.

Введение

Главным камнем преткновения для победного шествия глобализации сегодня стала проблема возросшего «спроса» на идентичность в мире, нарастающий императив реконструкции идентичности. Долгий спор о неизбежности «смерти государства-нации» в условиях универсализации мирового пространства, развер-

* Спиридонова Валерия Игоревна – д. ф. н., г. н. с., руководитель сектора философских проблем политики Института философии РАН. E-mail: vspirid@yandex.ru.

нувшийся в конце XX столетия, сегодня получил неожиданный поворот. Национальное государство не только продолжает быть главным актором на геополитической сцене, ему прочат стабильное будущее и ведущую роль в мировой политике. Прогрессивные европейские авторы признают перспективу многополярного мироустройства как неизбежность грядущего развития и в этой связи – рост национального самосознания и, соответственно, роли государства как центра формирования устойчивой идентичности.

Два аспекта глобализации

В работах современных авторов отчетливо различаются две ипостаси глобализации. Первая – это технологически-экономический ее контекст. Вторая – идеологически-политический, именуемый иначе «счастливой глобализацией» (*mondialisation heureuse*), которая, по мнению ее приверженцев, могла бы дать всем людям в равной мере мир и процветание. Долгое время считалось, что первый аспект глобализации должен способствовать успешному продвижению второго, однако реальность опрокинула эти надежды. Если успешное продвижение новейших технологий и коммуникаций, в первую очередь из области ИТ, которые представляют фактически новую промышленную революцию, никто не подвергает сомнению и, более того, приветствует, то вторая область – культурная и национально-идентификационная – являет собой серьезную проблему. «Счастливая глобализация», которая как раз и призвана была отвечать за реализацию программы единого культурно однородного человечества, очевидно, потерпела крах. Современный период развитых технологий и новой финансовой экономики не только не привел к процветанию всех народов, но отмечен кумулятивным ростом конфликтов и даже горячих войн на планете. Более того, человечество, как никогда ранее, вплотную подошло к вероятности ядерной катастрофы.

После окончания холодной войны США, став единственным центром силы в мире, сосредоточили все свои усилия на строительстве мировой гегемонии и однополярного мира. В соответствии с поставленными целями сформировалась идеология, которая пропагандировала архаичность национального государства. Его место призвана была занять своего рода гибкая универсальная Федеративная Империя (*empire federal universel souple*) во главе с мировым правительством.

По мнению сторонников «счастливой глобализации» и согласно исследованию программы развития Организации Объединенных Наций с 1990-х гг., она могла бы удвоить мировой ВВП и вдвое повысить уровень жизни населения планеты. Сегодня действительно существуют страны, которые получили значительный выигрыш от глобализации. Например, в Китае насчитывается наибольшее число миллиардеров и миллионеров. Китайский средний класс является самым обширным потребительским рынком мира. На другом конце света 350 млн американских индейцев имеют покупательную способность больше, чем 3000 долларов в месяц [del Valle 2014a].

Однако эти факты вовсе не ведут к культурной однородности мирового пространства. Порядка 4/5 населения планеты весьма далеки от европейской идеологии прав человека и идеологии иудеохристианского универсализма, которая органична для Европы и вырабатывалась там веками, взрастая на собственных идей-

ных корнях. Для большинства стран Ближнего и Дальнего Востока глобализация – это всего лишь источник передовых технологий, а вовсе не путь к мировому гражданству. Турция, Китай, Индия, Индонезия и другие страны Ближнего и Дальнего Востока не поддерживают идею десоверенизации. Напротив, идея планетарного управления, сокращающая поле суверенитета, воспринимается этими странами как стратегия неоимпериализма. Идея «прав человека», под эгидой которой были свергнуты режимы в Югославии, Ливии, Ираке, воспринимается как моральное прикрытие лицемерной политики западного несанкционированного вторжения. (Недаром США до сих пор не признают прерогативы Международного уголовного суда, который не может оправдать силовое вмешательство во внутренние дела других стран.) Таким образом, технологическая глобализация сама по себе не является синонимом всеобщего мира. Это подтверждается ростом количества военных столкновений по всему миру начиная с 1990-х гг., то есть периода, когда распространению технологий сопутствовал режим наибольшего благоприятствования, когда-либо существовавшего в мире. В действительности технологические аспекты глобализации не оказывают того радикального влияния на настроения, связанные с отказом от идентичности, которого от нее ожидали. Напротив, в мире все более укрепляются этноконфессиональные блоки, растет сепаратизм, усиливаются конфликты идентичности (пантюркизм, формирующаяся зона китайского влияния, ЕврАзЭС, АСЕАН, НАФТА и др.).

Разумеется, существует сфера стандартизированного массового потребления. Расширяются глобальные сети, в первую очередь Интернет. Преимущественное распространение получают новейшие средства коммуникации. Это приводит к определенной типизации поведения в разных регионах планеты. Но эти изменения происходят на поверхностном уровне социального взаимодействия и никак не затрагивают область ценностей и глубинных культурных смыслов, а тем более имманентной логики культурного развития отдельных народов и стран. Но именно последние компоненты определяют идентичность. Соответственно, вопрос о замене национальных государств, которые напрямую связаны с идентичностью, а значит, и вопрос о формировании мирового глобального общества, дающего народам мир и благоденствие, отодвигается на неопределенную перспективу.

От глобализации как «завершения единства человечества» к «дистанционному национализму»

В европейской научной литературе, посвященной оптимистическим исследованиям процесса глобализации как способствующего культурной однородности человечества, существует точка зрения, согласно которой само национальное государство в определенном отношении является частью всеобщего процесса универсализации. Авторы, стоящие на этой позиции, ссылаются на определение национального государства, которое дал Э. Хобсбаум в своей известной книге «Нации и национализм после 1780 г.» [Хобсбаум 1998]. В тексте, наиболее близком к оригиналу, оно звучит как эскапада: «Нация, будучи извлеченной из твердой оболочки национального государства, как моллюск из своей раковины, превращается в нечто пластичное и желеобразное» [Thiesse 2014]. Именно эта пластичность, считают сторонники глобальной культурной унификации, и сделала

возможным распространение матрицы национального государства в масштабах всей планеты. Национальное государство, первые формы которого появились в конце XVIII в., на заре XXI в. оказалось самой естественной и копируемой государственной формой в глобальном масштабе, пишет Анна-Мари Тьесс, профессор Национального центра научных исследований в Париже (Centre National de la Recherche Scientifique, CNRS), ведущего государственного научного учреждения Франции [Thiesse 2014].

Более того, полагает А.-М. Тьесс, национальное государство превратилось в своеобразный эталон, мировую норму прогрессивного развития. Такая перспектива стала возможной, в частности, потому, что уже со времен Французской революции национальный принцип виделся как универсальный. Ведь в Декларации прав человека и гражданина говорится о нации и образуемом ею суверенном государстве безотносительно к Франции. Этот принцип объявляется общечеловеческим, что в конечном счете позволило ему перерасти в «мировой стандарт». Согласно такой интерпретации национальные государства, несмотря на конкретные различия, могут быть сведены к одной универсальной виртуальной модели. В подобной трактовке получается, что государство не препятствует глобализации и унификации культурного пространства, а, напротив, способствует им.

Однако с началом XXI в., когда стали более наглядными провалы однополярной глобализации, совпавшие с разочарованиями в политике мультикультурализма, не породившей искомую культурную однородность, акцент в понимании роли и места национального государства в процессе универсализации меняется. Отныне на первый план выходит проблема дифференциации наций в наступающем многополярном измерении, а государство воспринимается как скрепляющая основа особой культурно-политической идентичности. Возникает «новая картография» мира, в которой превалирует тенденция к совпадению политических границ государства и культурных границ нации. Именно эта неразрывная пара определяет для многих авторов суть современной концепции государства [Identité(s) 2007; Laurent 2010: 3]. «Парадокс начала XXI в. состоит в том, что национализм возрождается в самом сердце мировой цивилизации, на Западе. Более того, национализм проявляется с новой силой в тот самый момент, когда люди становятся все более похожими друг на друга вследствие глобализации», – подчеркивает Ален Дикхофф, автор многочисленных работ по современному национализму, директор Центра международных исследований в Париже (CERI) [Dieckhoff 2000: 23].

Сегодня растет экспансия «дистанционного национализма» как факта укрепления национальной идентичности в противовес ожидаемому ее размыванию в процессе глобализации. Американский «котел» далек от декларируемого «плавильного котла», а европейский мультикультурализм, предполагавший скорее поглощение инородных национальностей, нежели их слияние, не оправдал надежд. Большинство людей, переселившихся в Европу, продолжают сохранять свою материнскую культуру и образуют замкнутые островки этой культуры на фоне более широкого европейского ландшафта. Они ощущают себя изгнанниками, которые более тесно привязаны к своей родине сегодня, чем когда-либо. Помимо негативных морально-психологических суждений, «новые» жители Ев-

ропы отчисляют немалые финансовые средства на родину. Это явление получило наименование «дистанционного национализма» [Dieckhoff, Jaffrelot 2004: 78–79].

С другой стороны, сами национальные государства становятся акторами деглобализации. Даже политика США, еще недавно главного мотора глобализации, ратующего за вывод предприятий в страны с дешевой рабочей силой, сегодня переориентируется на национальное производство. Тот же Китай, роль которого в мире до сих пор определяли как «мировую фабрику», в своей долгосрочной стратегии нацелен на обеспечение внутреннего рынка. Менее могущественные государства также стараются удержать производителей внутри своей территории. Так, Бразилия через увеличение таможенных пошлин принудила *Apple* и *Foxconn* построить заводы по сборке *iPhone* и *iPad* внутри страны. В целом вырисовывается тенденция стремления современных государств к обеспечению самодостаточности, а не к распылению производств по планете.

Наконец, общая атмосфера дестабилизации в мире, в котором увеличивается количество войн и конфликтов, повышает запрос на защищенность в ущерб запросу на свободу. Но именно государство выдвигает идеи границы и протекционизма в качестве приоритетов своего существования.

На этом фоне обостряется проблема потери идентичности самой Европой, которая в процессе универсализации европейской модели развития поставила под вопрос собственное самосознание и собственный глубинный смысл существования.

Действительно, существует два подхода к определению идентичности – классический и «постсовременный». Первый восходит к культурным и ценностным основаниям и определяет европейскую цивилизацию исходя из ее христианских и греческих корней, из иудеохристианского монотеизма и греко-латинской рациональности. Но такой подход предполагает включение в европейскую цивилизацию России, Австралии и США. Второй подход, скорее «интернационалистский», чем идентификационный, делает акцент на общечеловеческих ценностях либеральной демократии, свободном обмене, правах человека. В таком случае на основе военно-блоковой принадлежности к Западу следует отнести Турцию, Японию, Южную Корею и исключить Россию. Политизированный подход, каким является второй вариант, основан на концепции К. Шмитта, в соответствии с которым Россия позиционируется политически ангажированными элитами как геополитический враг.

Учитывая, однако, провал политики мультикультурализма, данный подход вызывает глубокую озабоченность у многих западных интеллектуалов, потому что ведет к реальной потере европейской идентичности и к утрате «веры в смысл своего подлинного существования» [del Valle 2014b; Lenglet 2013]. Ставка на универсализацию «общеевропейских ценностей» после окончания холодной войны создала негативный ореол вокруг понятия идентичности. Но это движение оказалось обоюдоострым и сегодня наносит удар по самим европейцам. Первыми, над кем нависает угроза потери идентичности, оказались они сами. Именно поэтому в Европе все громче раздаются голоса в пользу пересмотра политики идентичности и усиливаются надежды на повышение значимости национального государства как такового.

Европейское стремление к возрождению собственной идентичности усиливается на фоне так называемой «второй волны деколонизации» стран третьего мира – в данном случае деколонизации идеологической. Речь идет об отказе этих стран от универсалистских общеевропейских ценностей, которые под маской демократии и идеологии прав человека реализуют политику неоколониализма. Нарастает тенденция к самореализации вновь поднимающихся экономик Востока, Африки и Латинской Америки на фундаменте собственной идентичности, что заставляет европейские страны также переосмыслить национальную политику, вплоть до возврата к реалиям отдельных национальных государств и восстановления границ внутри ЕС. Необходимо, пишет французский политолог Александриэль Валь, признать новую множественную реальность многополярного мира, который будет все менее западоцентричным [del Valle 2014b]. Запад должен отказаться от политики интернационализма и переориентироваться на сохранение европейских ценностей внутри собственных территорий. Более того, дель Валь призывает европейцев примириться с православным русским миром, который вырос из той же греко-римской и христианской матрицы, что и сама Европа. Для этого, полагает он, необходимо отказаться от парадигмы холодной войны, которая заставляет видеть в России постоянного и опасного врага. Французский политолог выступает за сближение Европы с Россией в рамках так называемого «Пан-Запада» [Idem 2014c].

Гражданство или идентичность?

Идеологической основой «победного шествия глобализации» по планете был миф о мировом гражданстве. В традиционной схеме национальное государство было привилегированным местом гражданства. В постнациональном мире утверждается приоритет надгосударственного политического сообщества. Гражданство больше не связывается с национальными рамками, с определенной территорией.

Стержневым для существования национального государства было понятие идентичности, связанной с культурными особенностями, исторической памятью и «общей судьбой» данного народа. Универсализация культурного пространства требовала унификации культурной специфики разных народов и, следовательно, поиска основания для такой стандартизации. Фундаментальная категория была найдена: место идентичности заняло понятие гражданства, которое восходит к истокам формирования республиканской мысли и идеологии либеральной демократии. Отсылка к культурным ценностям и смыслам была замещена «вне-национальными», общечеловеческими понятиями прав человека и свободы личности: свободы ассоциации, слова и совести и, в более общем плане, свободы для каждого определять, как вести свою собственную жизнь. Смысловую трансформацию претерпела парная к идее права категория – категория обязанностей. Последние включили в себя толерантность, приятие нерелигиозного светского характера политической власти.

Предложенные либеральные ценности, несомненно, вненациональны и потому теоретически могли бы служить опорой общечеловеческого «мирового гражданского общества». В реальности, однако, идея «всемирной гражданственности» превращается в утопию.

Канадский политический философ, профессор Королевского университета в Кингстоне, один из авторов теории мультикультурного гражданства, редактор ежеквартального электронного издания «Гражданство, демократия и этнокультурное многообразие» Уилл Кимлика (Will Kymlicka) выделяет пять форм современных политических процессов, которые были призваны стать инструментами реализации вненационального гражданства как фундамента унификации и культурной глобализации, но которые, подчеркивает он, в реальности превратились в «миф» [Kymlicka 2004: 97–111].

Прежде всего речь идет о процессах миграции, которые лежат в основании идеологии и практики мультикультурализма как феномена, призванного расширить поле глобализации. Действительно, мигранты часто представляются как авангард процесса транснационализации, потому что в первоначальном прочтении хода глобальных перемен предполагалось, что мигранты должны были отказаться от своей «природной» национальной идентичности, чтобы вписаться в культуру новой страны проживания. Однако реальность оказалась иной. Мигранты в массе своей не только сохраняют свою исходную идентичность и не ассимилируются в новой среде, но благодаря современным технологиям, которые облегчают связь и коммуникации, остаются активными акторами экономической, социальной и политической жизни своих стран происхождения. Более того, благодаря распространению идеи двойного гражданства такого рода поведение легитимизируется. Если ранее к двойному гражданству относились с осуждением и натурализованный мигрант, сохраняющий живой интерес к политической жизни страны происхождения, считался апатриотичным, даже подозревался в нелояльности, то сегодня двойное гражданство становится официально признанным и воспринимается в позитивном ракурсе либерализма, в ракурсе свободы и расширения прав человека.

Получается, что сама идеология либеральной демократии способствует превращению идеи мультикультурализма из авангарда глобализации в «миф», в авантюру и псевдонадежду для создания мирового гражданского общества. «Бинационалы», как их именуют на Западе, во многих случаях более националистичны, чем их соотечественники, которые остались на родине. Они воспринимают покушения на свой «суверенитет» как незаконное «иностранное вмешательство». Таким образом, они вовсе не являются предвестниками желаемого «постнационального» устройства мирового сообщества.

Вторым элементом «постнациональной универсализации» Уилл Кимлика называет развитие после холодной войны деятельности групп транснациональных активистов, что проявляется в рекрутировании граждан для давления на собственное правительство, которое осуществляется главным образом через сеть НПО. Однако такие действия на практике не приводят к созданию каких-либо независимых политических сообществ, которые можно было бы считать предвестниками создания постнационального мира. Они никоим образом не способствуют появлению принципиально новаторских глобальных структур или моделей власти. Они даже не бросают вызов существованию национальных государств, потому что весь смысл их деятельности тесно связан с продолжением существования именно этих государств, которым они призваны противостоять.

Третьим вероятным инструментом реализации принципа общечеловеческого существования У. Кимлика называет идею глобализации прав человека. Однако в сегодняшнем варианте политика соблюдения прав человека нацелена на «исправление» деятельности конкретных национальных государств, не претендуя при этом на создание каких-либо наднациональных моделей. Более того, практика таких ведущих государств мира, как, например, США, утверждает приоритет собственного внутреннего права над международным, в том числе и в области соблюдения прав человека. Понятно, что это не только не способствует реализации целей построения постнационального «общечеловеческого» миропорядка, но препятствует его утверждению.

Следующим возможным механизмом воплощения в жизнь постнационального сообщества могли бы быть транснациональные парламенты. Однако и этому проекту суждено надолго оставаться бесплотной мечтой. До определенного времени полагали, что эта идея проходит апробацию в рамках Европарламента. Но сегодня растут сомнения относительно долгосрочной перспективы его существования. К тому же эта инициатива имеет мало шансов на успех в мировом масштабе, хотя бы потому, что такая возможность полностью отсутствует в общественном сознании самой могущественной на данный момент страны мира – США. Америка и американцы с присущим им чувством исключительности своей нации вовсе не готовы разделять на равных властные полномочия с другими странами, даже со своими ближайшими соседями – Мексикой и Канадой, не говоря уже о таких региональных державах, как Индия или Бразилия, которые, исходя из принципа равного представительства (по численности населения), могли бы претендовать на паритетное положение с США в международных правительствах.

Наконец, пятой возможностью культурной интернационализации можно считать создание международных контролирующих органов. Но и эта идея, по мнению У. Кимлика, далека от реальности, поскольку она приводит к тем же негативным последствиям, что и предыдущая, только в еще более острой и очевидной форме. Главной причиной этого является «распыление ответственности» даже на национальном уровне, не говоря уже о новых транснациональных учреждениях, которые не имеют многовекового опыта функционирования, присущего традиционным государствам и их институтам. В общей сложности все выступают за то, чтобы надзорные органы действовали в отношении других стран, и никто не хочет, чтобы надзор осуществлялся за их собственной страной.

В целом, отмечает У. Кимлика, главной тенденцией современности является возвращение к идее «нации» или «сообщества общей судьбы». Чехословакия, население которой составляет 15 млн человек, разделилась на две части. То, что осталось от Грузии, Македонии, Шри-Ланки, является обществами, которые насчитывают от 2 до 18 млн человек. Это свидетельствует, что народы идут даже на то, чтобы уменьшить численность своего политического сообщества, и вовсе не потому, что оно «слишком велико», а потому, что оно не соответствует чувству общей принадлежности. Следует признать, пишет Кимлика, глобализация никоим образом не подорвала ощущение того, что только национальные государства способны реализовать идею таких сообществ. Более того, эта идея продол-

жает оставаться в тесной зависимости от «национальной культуры и внутреннего политического ландшафта» [Kumlička 2004].

Одной из основных причин притягательности национальных форм существования является то, что государства продемонстрировали свою способность создавать крепкие и устойчивые формы внутренней солидарности. И пока нет никаких других моделей, которые могли бы делать это так же хорошо. В частности, в современных зрелых демократиях существуют надежные механизмы воздействия народных масс на свои элиты, которые реализуют их взаимные обязательства. Кроме того, у них есть общее поле языковой культуры, системы образования, а также общие «мифы основания» и символы. Все это хорошо функционирует именно в рамках устоявшейся и отработанной веками формы национального государства. Понятно, что эти обстоятельства способствуют так называемому «возвращению» в современное общественное сознание идей культурной нации и идеи государства как способа реализации бытия каждой отдельной нации. В таком контексте транснационализм видится как угроза деградации, отката назад, возврата к состоянию «протогосударственности», в котором будут утрачены общий язык и общие культурные символы, создающие социальную солидарность. Иначе говоря, люди боятся оказаться «чужими» в собственной стране.

Возвращение идеи национального государства и мультикультурализм

Усиление роли национального государства и возвращение его в культурное поле Европы в начале XXI в. связано с обострением мультикультурных процессов внутри Европейского сообщества. Французские исследователи отмечают такие феномены, как нарастание внутреннего раскола общества, поскольку иммигранты, даже в случае их юридической натурализации, продолжают восприниматься коренными жителями как иностранцы. Более того, сами иммигранты, например, во Франции не считают себя настоящими французами. Они идентифицируют себя как «французы с происхождением», то есть как французы алжирского, португальского, сенегальского происхождения [Masure 2007]. При этом они настойчиво отделяют себя от «этнических французов». Таким образом, несмотря на юридически оформленное гражданство, мигранты фактически остаются «бинациональными». Как выразился один из французов сенегальского происхождения во время социологического опроса, «натурализация – это не операция пластической хирургии» [*Ibid.*]. Невозможно избавиться от черного цвета кожи, нюансов происхождения, наконец, от данного при рождении имени и от религии, которая прививает определенные культурные черты. Такая постановка вопроса порождает проблему определенной стигматизации новых переселенцев в страны Европы. Слово «мигрант» превращается в эвфемизм слова «иностранец» или «чужой», присутствие которых плохо переносится французским сообществом из-за огромной культурной дистанции.

Идентификационный кризис усугубляется с конца XX в., когда появляются такие явления, как иммигранты второго и третьего поколения. Во Франции те алжирцы, которые родились в Алжире, так и продолжают считаться иммигрантами в отличие от тех, которые родились на территории Франции. Растет социальное напряжение как следствие актуализации «расовых» тенденций в обществе. Как

свидетельствует антрополог и социолог Франсуа Мазюр, опросы, проведенные в новом тысячелетии, свидетельствуют об устойчивости этой тенденции. Так, начиная с 2000-х гг., уличные акции воспринимаются как «бунты варваров нового рода, врагов изнутри, с которыми нужно бороться едва ли не военными средствами – по крайней мере, введением чрезвычайного положения» [Masure 2007].

Формируется внутренний раскол нации и общества, по крайней мере, между французами по происхождению и французами иностранного происхождения. Эта ситуация заставляет европейцев вновь обратить свои политические размышления к сфере усиления роли национального государства. Сегодня впервые со времени Французской революции встает вопрос о том, каким образом можно реализовать единство народа. Институт государства предстает уникальным механизмом, который способен превратить народ в сообщество. Именно государство благодаря подчинению априорно разнородных этнических и классовых элементов единому для всех закону осуществляет гигантскую работу по национальной интеграции и гомогенизации населения, проживающего на одной территории.

Однако вопрос возвращения государства – это не только вопрос инструментальный. Он затрагивает глубинные проблемы идейного плана. Во Франции, Великобритании, Германии, Нидерландах нарастает кризис «национальных моделей интеграции», поскольку эти «модели» не преуспели в достижении своих целей или не сумели превратить мусульман в лояльных граждан. Кристоф Берточчи, доктор политической философии и директор Центра ИФРИ (IFRI) по вопросам миграции и гражданства при Французском институте международных отношений, констатирует, что во Франции уже недостаточно республиканских практик, в Британии провалилась политика «расовых отношений», в Нидерландах – политика «либеральной терпимости». И если раньше в различных странах Европы мигрантов идентифицировали по разным основаниям (во Франции – по стране происхождения – главным образом из стран Магриба; в Британии – по этническому и расовому принципу – азиаты или чернокожие; в Германии – по основаниям их присутствия в стране – гастарбайтеры), то сегодня основание идентификации мигрантов во всех этих странах одно – это ислам как религиозно-культурная аутентичность. Но поскольку ислам сегодня воспринимается прежде всего как террористическая угроза, то отношение к мигрантам трансформируется в отношении к ним как к варварам или врагам цивилизации [Bertossi 2007: 20–24].

Итогом является заявление о «провале послевоенной политики мультикультурализма», на смену которой приходит требование национальной идентичности, национальной сплоченности и национальной солидарности. Все это сопровождается возрождением национального государства. Это означает, по сути, возможно, временный, но все же отказ от республиканских ценностей. Ведь Французская Республика рассматривала гражданина как абстрактного индивида, отрекаясь от любой формы этнорасовой дифференциации в общественном пространстве. Собственно, эта идея абстрактной принадлежности индивида, рожденная философией Просвещения, и лежала в основании универсализации европейской модели развития и культурной глобализации как унификации общечеловеческих ценностей. Констатируемый европейцами «провал» интеграционной политики и практики мультикультурализма фактически ставит предел монополии «общечеловеческо-

го» и моноцентричного мира. Открывается перспектива создания полицентричной структуры мирового сообщества, идею которого артикулировала Россия.

Заключение

В начале 2000-х гг. Юрген Хабермас видел в Европейском союзе первый пример демократии, выходящей за пределы национального государства, определяя это состояние как постнациональное [Хабермас 2003]. Однако сам термин «постнациональный», как отмечает французский политолог, преподаватель Института политических исследований в Париже Сильвен Кан, грешил двусмысленностью [Kahn 2014]. С одной стороны, его можно было понимать как стремление избавиться от всего национального вплоть до отказа от самого национального государства как такового. Но в то же время понятие «постнационального» можно трактовать таким образом, будто именно национальные государства являются главными акторами самого европейского строительства. В такой интерпретации следовало ожидать, что национальные государства будут эволюционировать и трансформироваться в процессе самого созидания европейского, а в дальнейшем и общечеловеческого дома, что вовсе не означает их исчезновения. Напротив, их роль должна только возрастать. Двусмысленность трактовки «постнационального» привела в конце XX – первом десятилетии XXI в. к разделению исследователей на два лагеря – на тех, кто видел будущее Европы как конец существования национального государства, как конец «суверенитета» и конец «территории», и тех, кто не допускал мысли об отказе от национального государства как носителя национальной традиции [Badie 1995; Lacoste 1997; Ferry 2005; Lévy 2011].

На современном этапе, когда Европа пережила *Brexit* и переоценку ценностей мультикультурализма, восприятие европейской конструкции как исключительно постнациональной и безгосударственной уже не работает. Набирают силу возвратные процессы, которые утверждают необходимость восстановления национальной идентичности. Главной ценностью объявляются единение нации и национальная солидарность, возрождение которых без такого проверенного историей инструмента, как государство, признается невозможным.

Литература

- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб. : Алетейя, 1998.
- Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. 2003. № 4–5. С. 105–152.
- Badie B. La Fin des territoires. Essai sur le désordre international. Et l'utilité sociale du respect. Paris : Fayard, 1995.
- Bertossi Ch. France, Grande-Bretagne: deux leçons non apprises // Après-demain. 2007. No. 4. Pp. 20–24. URL: <https://www.cairn.info/revue-apres-demain-2007-4-page-20.htm> (дата обращения: 05.01.2020).
- Dieckhoff A. La Nation dans tous ses États. Les identités nationales en mouvement. Paris: Flammarion, 2000.

Dieckhoff A., Jaffrelot C. Vers un monde postnational? // Critique internationale. 2004. No. 2. Pp. 78–79. URL: <https://www.cairn.info/revue-critique-internationale-2004-2-page-78.htm> (дата обращения: 14.01.2020).

Ferry J.-M. Europe, la voie kantienne. Essai sur l'identité postnationale. Paris: Éditions du Cerf, 2005.

Identité(s) nationale(s): le retour des politiques de l'identité? // *Savoir/Agir*. 2007. No. 2.

Kahn S. L'État-nation comme mythe territorial de la construction européenne// *L'Espace géographique*. 2014. No. 3. Pp. 240–250. URL: <https://www.cairn.info/revue-espace-geographique-2014-3-page-240.htm> (дата обращения: 28.01.2020).

Kymlicka W. Le mythe de la citoyenneté transnationale // Critique internationale. 2004. № 2. Pp. 97–111. URL: <https://www.cairn.info/revue-critique-internationale-2004-2-page-97.htm> (дата обращения: 16.01.2020).

Lacoste Y. Vive la nation. Destin d'une idée géopolitique. Paris : Fayard, 1997.

Laurent B. La pandémie de l'identité nationale // *Le Monde diplomatique*. 2010. No. 2. P. 3. URL: <https://www.cairn.info/magazine-le-monde-diplomatique-2010-2-page-3.htm> (дата обращения: 06.01.2020).

Lenglet F. La fin de la mondialisation. Paris : Fayard, 2013.

Lévy J. Europe, une géographie. La fabrique d'un continent. Paris : Hachette, 2011 (2e édition).

Masure F. État et identité nationale, un rapport ambigu // *Journal des anthropologues*. 2007. No. 5 (Horssérie). Pp. 39–50. URL: <https://www.cairn.info/revue-journal-des-anthropologues-2007-5-page-39.htm> (дата обращения: 11.01.2020).

Thiesse A.-M. Nations, internationalismes et mondialisation // *Romantisme*. 2014. No. 17. Pp. 15–27. URL: <https://www.cairn.info/revue-romantisme-2014-1-page-15.htm> (дата обращения: 25.01.2020).

Valle A. del. La mondialisation en question et le destin de l'Occident//*Géoeconomie*. 2014a. No. 5. Pp. 29–48. URL: <https://www.cairn.info/revue-geoeconomie-2014-5-page-29.htm> (дата обращения: 30.01.2020).

Valle A. del. Le Complexe occidental. Petit traité de déculpabilisation. Paris : éd. du Toucan, 2014b.

Valle A. del. L'Occident doit cesser de se sentir coupable // *Le Figaro*. 2014c. 14 mai. URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/politique/2014/05/19/31001-20140519ARTFIG00333-alexandre-del-valle-l-occident-doit-cesser-de-se-sentir-coupable.php> (дата обращения: 11.01.2018).